

сливаются истина и справедливость. В понимании общества мыслитель ориентируется на его духовную основу, в качестве которой выступает триединство: солидарность, свобода, служение.

Русская философия всякий раз обновляется и возрождается в новой исторической перспективе, в соответствии с ритмами той или иной эпохи, находясь в поиске «единства духовной жизни на путях ее рационализации».

Т. Л. Степанова

ИНВЕРСИЯ МОРАЛЬНЫХ ИДЕАЛОВ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Хотя пандемия коронавируса, если верить многочисленным экспертам, приведет к разрушению мировых экономических связей и глобализация как тренд развития конца XX – начала XXI века канет в Лету, ее влияние исчезнет далеко не сразу. Марксизм, в отношении к которому в последнее время возвращается былое почтение и уважение, достаточно убедительно показал, что первичность базисных, экономических отношений в отношении проявлений надстроечных не так однозначна, как это трактуют многие явные и неявные критики марксизма, поскольку сформировавшиеся надстроечные институты в свою очередь начинают оказывать влияние на экономический базис. Причем особенно характерно это для таких институтов, которые формировались еще в древности как конкретизация общей картины мира в рамках соответствующего эпохе мировоззрения – морали, религии и искусства. Эти формы культуры наиболее ранние, и их воздействие на человека осуществляется не в рамках объективного познания им мира, но чувственного и ценностного, т.е. в большей мере опирается не на рациональное проявление *homo sapiens*, а на его эмоциональную сферу. Поэтому интересно будет отметить те особенности сформировавшейся в эпоху глобализации и в целом постмодерна морали, которые еще долго будут оказывать влияние на состояние общественного сознания.

Термин «глобализация» еще долго будет широко использоваться в научном языке. Дефиниций глобализации имеется достаточно много, однако в целом под глобализацией принято понимать тенденции и процессы эрозии национальных границ и углубление степени взаимодействия и взаимообусловленности человеческих обществ. Причины, вызвавшие к жизни этот процесс, явились следствием технологических революций 80-х – 90-х годов XX века, приведших к формированию коммуникационного и информационного общества.

Согласно теории систем, обмен информацией между социальными системами в результате их коммуникаций должен приводить к их дифференциации и интеграции и, в конечном итоге, к их взаимообогащению. Но в случае глобализации на деле происходит не обмен информацией, а интервенция – по сути паразитическая трансплантация фрагментов одной системы в другую, что приводит к доминированию одной системы (т.е.

западной) в отношении других, что проявляется в контроле в экономической сфере, в контроле над элитным образованием, владением международными средствами коммуникации.

Главной этической проблемой, вызванной процессами глобализации, является утрата обществами своей локальности и, как следствие, идентичности. Те системы ценностей, в которых они традиционно существовали, и перспективы, которые из них вытекали, неуклонно разрушаются. Хотя предполагается, что они должны быть трансформированы и включены в новую, более целостную и интегрированную глобальную социальную систему, но трансформация эта является весьма гипотетичной и сомнительной, поскольку ценностные основания этих систем лежат в различных областях. Это естественно порождает ответную и часто весьма острую реакцию со стороны стран «третьего мира». При этом следует отметить, что после распада социалистического лагеря, т.е. «второго мира», мир оказался поделенным на первых и третьих. Как уже отмечалось, глобализация имеет очевидные объективные причины, но при этом в ее углублении и расширении все же более заинтересован западный мир, т.к. в обмен на свои культурные ценности он получает весьма солидные дивиденды в виде приобщения к источникам сырья и углеводородов и потому игнорировать эту реакцию на несправедливость международного разделения труда и доходов не может.

Подход к решению проблемы международной справедливости представляют две взаимоисключающие позиции. Первая получает освещение у немецкого специалиста в области глобализации К. Беллестрема, суть которой сводится к тому, что требования справедливости не влекут за собой особых обязанностей богатых стран по отношению к бедным.

Свое видение проблемы международной справедливости как ключевой среди проблем глобализации дает К.-О. Апель. Он полагает, что без постановления во главу угла принципа справедливости не может иметь места создание правового порядка мирового гражданства, что является условием и целью глобализации. При этом он утверждает, что всякая попытка взять за основу принципа справедливости понятия государственной, национальной или культурной идентичности неизбежно ведет в партикуляризму и приходит в диссонанс с глобализационным процессом. Хотя он в равной мере относит это и к западной (к ней даже более), и к другим культурам, естественно, что адресатами этой идеи являются культуры незападные. В качестве альтернативы партикуляризму Апель предлагает свое видение системы нравственных ценностей глобализированного общества. Оно заключается в том, что глобализация не только предъявляет новые требования к этике, но существенно изменяет ее предмет. Апель выделяет три измерения морали.

«Микромораль» – это традиционная мораль заповедей, в ее задачи входит регуляция непосредственных взаимоотношений между субъектами – «ближними». В ней доминируют моральные традиции и ценности различных культур.

«Мезомораль» возникает за пределами взаимоотношений субъектов в сфере взаимоотношений сообществ и институтов (например, ответственности политика или политической партии за общее благо). По сути, мезомораль адаптирует микромораль к задачам общества и государства.

«Макромораль» решает задачи, поставленные перед человечеством новыми вызовами, порожденными глобализацией, и угрозами, которые она несет человечеству как целому. В основе этой этики лежит идея ответственности, которая заключается в том, чтобы подчинить все различные интересы общему интересу выживания. Несмотря на несомненный моральный пафос этого предложения, возникает некоторое ощущение того, что дискурсивная этика Апеля – это этика без морали. Действительно, при том, что либерализм высшей ценностью полагает индивида, индивидуальную свободу, этика Апеля постулирует вторичность морали субъекта, т.е. микроморали в его интерпретации, по отношению к макроморали, т.е. морали общепланетарной и ее подчиненность этике глобальной ответственности. Но эта ответственность не есть ответственность за свой выбор, за свою реализацию возможностей свободы, т.е. не есть ответственность моральная. Морально-чувствительный Апель, апеллируя ко всеобщей ответственности, по сути возлагает правовую ответственность на тех, кто является жертвами этой свободы. Это – парадокс. Разрешение его предполагает один выход – если не разрушение, то глубочайшая дискредитация в глазах носителей традиционных, религиозных и идеологических культур, «микроморали», религиозной морали заповедей, с ее стремлением к идеалам и нерыночным ценностям.

Всегда интересно посмотреть, как сбываются те или иные прогнозы. Восточные мудрецы полагают, что нет большего несчастья, чем жить во времена перемен. С точки зрения экономических прогнозов это несомненно. Но философия предполагает в этой крайне неприятной ситуации некоторое утешение – возможность увидеть, как же будут взаимодействовать в ней базисные и надстроечные институты разрушающегося глобального общества.